

Гению места Калининграда и Кенигсберга

Приятно сидеть на берегу, поглощая вино и смотря на город. Но это не всегда возможно. Важно не забывать о том, что Калининград — это не просто город, это историческая область, которая имеет свою историю и культуру. Их нужно уважать и беречь. А также помнить, что Калининград — это не только город, это еще и регион, который имеет свою специфику и свою историю. Поэтому важно не только любить Калининград, но и уважать его историю и культуру.

Когда отшумит праздник юбилея и порывы ветра взметнут в воздух мусор — настанут будни, вернется суровая реальность жизни в областном центре. Он называется Калининград: клубок проблем, бездорожье, безработица, дикое загрязнение территории, жестокая борьба нового и старого уклада. Снова, то нервно, то обреченно, заговорят о том, что ждет столицу российского анклава, отрезанного от большой земли, в будущем, и когда же оно настанет. Снова станут гадать, какими путями должна идти культура, сколько в ней должно быть глобального, сколько локального, сколько российского, сколько европейского. Об этом, если не рассуждают, то думают все — не только свои, но и чужие, те, кому город близок и дорог, и те, для кого он не более чем предмет любопытства. Летом они, как всегда, приедут отдохнуть на море — курортники и единичные туристы или группы, как правило, немцы.

Именно в роли такого курортника приехал в Калининград и я, еще в конце 1970-х годов. С тех пор мне постоянно доводится бывать там, где живут мои хорошие друзья и где меня почти неизменно охватывают размышления о Родине, о Европе и о Германии, с которой я связан профессионально и духовно. Как историк искусства, специалист по немецкой культуре, любитель классической музыки и литературы, читатель философских книг я не мог не стремиться побывать в Калининграде. И вообще русскому интеллигенту, тем более такому западнику, каким я был тогда, должен быть интересен город, через который открывали для себя Европу царь Петр и Карамзин, на подступах к которому сражался Гумилев и прочая русская элита. Такому не может быть не интересно в Калининграде, хотя.... Не всякому, конечно, так как в городе почти ничего не осталось от прошлого, нет значительных памятников архитектуры и искусства, нет популярно выраженного немецкого средневековья и уюта, как в комфортных прибалтийских городах вроде Риги и Таллина. Да и оставшееся немецкое здесь какое-то не то — особенное, уродливое, перекроенное без всякой романтики. Можно сказать, что туристи там делать нечего. А вот следопыту, разведчику...

Кто может заинтересоваться Калининградом-Кенигсбергом в его сегодняшнем состоянии? Туристу это не суждено, он по определению спешит и нацелен на яркое и крупное, красивое и особенное, а в Калининграде, чтобы видеть, требуется много времени и пристальное умение рассматривать: микрозрение, интерес к деталям. Но и без чувства целого, вытекающего из осознания главного мотива посещения, без знания контекста истории и современности в Калининграде тоже ничего не будет понятно. Для этого требуются немалые знания разного рода и воображение, способность чувствовать присутствие отсутствующего и любовь, тяга к размышлению. Для людей, которые этим обладают, Калининград — очень интересный город, заставляющий

работать память и интуицию, направленную как в прошлое, так и в будущее. Главный вопрос, который тревожит наблюдателя в Калининграде: остался ли Кенигсберг, по чьей воле он не исчез вовсе? Этот вопрос перерастает в догадки о том, что говорит Кенигсберг Калининграду и миру вообще, в каком направлении и на что он указывает. Это также вопрос о том, как Калининград и Кенигсберг совмещаются в одном месте и в настоящем времени, вопрос о будущем города, вырастающем из его истории как целого.

Не только для стороннего наблюдателя, для местного жителя тоже нелегко сорвать город, тем более Калининград и Кенигсберг, в единое целое. Сегодня он распадается на фрагменты, части, лишенные очевидной и логической связи. Здесь одинокий старый зуб-дом, там небольшой район, как будто почти не тронутый временем, рядом грубо, здимо торчат куски прошлой советской жизни, уже несколько припорощенная временем жилая застройка; вот немногие остатки сталинского города, когда-то нарядного, с колоннами, фонтанами, статуями, и тут же новейшие вложения денег в недвижимость, на скорую руку сооруженные центры современной цивилизации — и вокруг, до горизонта свалки, помойки, гаражи, сараи, дачки, ветхие и брошенные военные городки...

Центр города пуст. Длинный скучный мост пересекает то место, где когда-то лежал древний город, и выводит к месту взорванного в 1960-е годы Королевского замка. На древнем холме сегодня возвышается другой замок-призрак: огромное кубическое здание Дома Советов — выразительный памятник долгостроя, и не руина и не футуристический проект, а загадочный в своей неустранимости и непроницаемости Объект размышлений. Сначала гость Калининграда недоумевает и в ужасе отстраняется. Города нет, ни старого, ни нового, только сквозняк, неистовство стальных ветров истории, и гримасы разрушения и бестолкового, обреченного и оборванного, и осмеванного самоутверждения другой жизни, да наглый блеск и звон мобильных телефонов, и уже привычный шум пивных водопадов, стекающих с реклам.

Но вот на город упал вечер. Вы вошли в длинные улицы-аллеи, услышали особенный, как в забытом кино, шорох шин по лоснящейся брускатой мостовой, увидели мечущиеся огни фар на узорной кирпичной стене, заметили ажурный переплет в желтом окне и вдохнули сырватый воздух под деревьями. На закатном небе громадой обрисовался силуэт высокой крыши; вас ведут в гости по деревянной скрипучей лестнице: ступени окантованы медью, медная ручка двери и звонок — старые. Во многих квартирах все еще сохранились немецкие вещи — пианино, шкафчик в ванной, кофемолка — они живут здесь как дома. Начинается разговор: когда вы сюда приехали, вы родились в Калининграде или нет, приезжали ли старые хозяева, где они теперь и пр.

Но эта ветхая сентиментальная картина — не единственное, что даст вам почувствовать: вы не совсем в России. Вот вы спускаетесь в новый бильярдный клуб или занимаете столик в биргарте под цветными лампочками, вступаете в разговор с молодежью, которая еще не была в Москве и совсем не рвется в Петербург, но ежегодно ездит в Польшу и Германию. Вы понимаете, что живете где-то там, далеко в тылу, — здесь же что-то совершается, начинается, развивается, но в совершенно противоположную сторону... Вы с любопытством входите в хорошо сохранившийся и ныне оборудованный по последнему слову техники немецкий кинотеатр 1920-х годов, а затем в ресторан «Заря», который дизайнеры изобретательно декорировали в духе постмодернистских стилизаций буржуазной роскоши. Напряженные линии ар-деко в зале заставляют вас

почувствовать собственную стилевую неполноценность, вы заводите разговоры с энергичными, иногда чуть экзальтированными людьми; вы видите — они полны надежд, бодры, прагматичны, они говорят по-русски, они совершенно русские, но... И тут внутренний голос подсказывает, что вас отделяет от них нечто совершенно специфическое и почти невыразимое — прямая жизненная причастность к гению места, к Кенигсбергу-Калининграду, на который вы можете смотреть только со стороны и лишь издалека.

Западные авторы любят изображать советский Калининград только как зону, концлагерь. Однако уже с 1960-х годов у этого города была скорее другая репутация. Моя тетка — врач — ходила из Калининграда в загранку на гигантских лайнерах «Александр Пушкин» и «Михаил Лермонтов»: закрытый порт, особый режим, боны, шмотки, «Альбатрос», красивые моряцкие и офицерские жены, ароматная копченая рыба, чистота улиц, много зелени, поблизости море и уютные немецкие домики, дети в пионерских лагерях и бравые расположения частей с покрашенными белой краской яблонями, — все чествовали дважды краснознаменный Балтийский флот, отмечали День рыбака и День военно-морского флота. Город был закрыт для иностранцев и своих, он жил внутренней жизнью, о которой мало знали в других областях СССР. Кажется, что она была точно такая, как везде, и все-таки она была несколько иная. Например, рассказывают, что после войны в Калининграде не сажали, сюда можно было приехать и затеряться. Военно-патриотическое воспитание было здесь на высоте как нигде; немецкого не было ничего. История сводилась к победам русского оружия над немцами в XII, XVIII и XX веках; правда, на этих землях уважали еще победителей Наполеона, русских генералов и нехотя — их прусских союзников.

Советский период не прошел даром для города. Само место, где лежит город, изменилось, холмыстерлись, десятки улиц исчезли навсегда. В центре Кенигсберг избавился от девяноста девяти процентов руин и поврежденных, но еще стоявших старинных зданий, потерял почти все памятники, но впустил в себя воздух и свет речных лугов, превратился в сплошной парк, стал просторным и солнечным.

Тогда все рушили, и это было понятно, идеологически обоснованно, однозначно. В то же время то, что не являлось очевидным символом, жило дольше, сохранялось и вело свою тихую работу. За ним не ухаживали, его не трогали, только использовали. Так до 1980–1990-х годов дошел заросший и обшарпанный, но целый, настоящий Кенигсберг немецкой буржуазии с ее виллами, тихими улицами города-сада, а также с красивыми зелеными предместьями. Его не ценили официально, но его любили, в нем жили, хотя и страдая от сырости и тесноты. В результате разрушений, в основном уже послевоенных, сформировался современный облик Калининграда. Главной достопримечательностью, символом города стали городские укрепления и грандиозные казармы середины XIX века. Остров с руиной собора стал романтическим пейзажем. Сохранились просторные красные кирпичные больницы, приюты, школы, некоторые другие казенные здания. Поражая суровым монументализмом, стоят на своих местах основные постройки Третьего рейха, а также похожие на крепости бункеры; Советская армия воспользовалась новенькими казармами, офицерскими домами без долгих колебаний. Из церковных зданий пережили разрушения не древние постройки, не церкви XVII–XVIII веков, а новые, вплоть до построенной в 1933 году Кройцкирхе, формы которой выразительно свидетельствуют об эпохе и о вкусах так называемых

«немецких христиан» при Гитлере. Сохранилось много великолепных индустриальных зданий. Это и замкообразные пивоварни и образцы конструктивизма 1920-х годов.

В последние годы поднялась совсем новая по своей природе волна разрушений и утрат. Противостоять ей невозможно. Эти разрушения — обратная сторона ремонта, перестроек и надстроек. Вся эта перекраска, новые покрытия крыш вообще-то — улучшения. На глазах меняется и ландшафт, застраиваются особняками все пустые места, город приобретает новый оживленный облик. Исчезают мелкие детали, решетки, изменяются порталы, особенно страдают окна, проща-ясь со старыми рамами и мелкой расстекловкой. Дома зияют пустыми глазницами и какими-то голыми рамами белых стеклопакетов. Если Кенигсберг уступил место Калининграду, то теперь Калининград отступает, прячется под натиском города XXI века — города супермаркетов, вилл, гаражей и боулингов. Вот-вот возьмутся за застройку зеленого центра, уже проводятся семинары и конкурсы. Одни предлагают построить там замок и старый город, сделать все заново и даже лучше, а другие, уличая их в ретроградстве, хотят создать на месте «кладбища» Кенигсберга и парковой идиллии Калининграда выставку достижений современного урбанизма.

А как же гений места? Жив ли он, дает ли знать о себе? Как его услышать, увидеть, как не ошибиться, приняв свои сентиментальные фантазии одержимого германофила за реальность? Но кто этот *genius loci*? Заглянем в учёные труды.

«Гением древние называли природного бога каждого места, или вещи, или человека», — писал латинский писатель Сервий. Гениям дома — ларам — и гению места подносили вино и молоко, цветы и плоды. То, что для римлян был гений, то для греков был демон или даймон. Само слово «гений» восходит к понятию о роде — «генусе», то есть о прародителе. Первоначально у римлян гений был божеством внутренних сил и способностей свободного гражданина, мужчины. Ни у женщин, ни у зависимых людей гения не было. В нем можно видеть персонификацию внутренних свойств человека, воплощение его характера. Так, после смерти гений бродит где-то поблизости от места нашей жизни и может соединяться с другими богами. Вскоре представления о гении переносятся на неодушевленные вещи и места. Сервий пишет, что не бывает места без своего гения. Это значит, что гении места очень много, так как каждый участок, как и город, представляет собой совокупность мест. Самый знаменитый *genius loci* в древности — это, конечно, гений Рима. Ему на Капитолийском холме был посвящен щит с надписью: «Или мужчине или женщине». Эти слова обусловлены тем, что ни имя, ни пол гения не могли быть известны. Неизвестное имя гения не называли, чтобы его не могли переманить враги. У гения предполагали характер, его чувствовали, под его властью находились, но назвать этот характер, дать ему определение представлялось невозможным, даже опасным.

На древних изображениях сам гений — это змея, внезапно появляющаяся в каком-то месте, символ плодородия земли-места и знак с мужским, фаллическим смыслом. Однако чаще гения представляли в виде юноши с рогом изобилия (змеевидным источником благ) и чашей в руке. В Калининграде змей нет, но зато есть большие черные улитки-слизняки без домика. Встреча с ними волнует новичков, гостей Пруссии. Некоторые жители придают особое значение не слизнякам, а душам калининградских, собственно говоря, Кенигсбергских, кошек и собак, которые якобы пережили разгром старого города.

Демон — роковая сила, она дает знать о себе внезапно и так же неожиданно исчезает. Выдающийся немецкий исследователь древних религий Герман Узенер называл демона богом данного мгновения. У него нет ни лица, ни фигуры, ни имени, но он способен наслать беду или вещий сон, или мысль, вдохновение, может направить на путь, чаще всего гибельный. Демон связан с представлениями о судьбе и истории. Ему они обязаны своим сюжетом, в нем коренится их тип и характер. Если перевести демона и гения на язык русской традиционной культуры, получится «бес». Злой дух, враг Бога и ангелов, бес знает особые места обитания. Нечистая, неведомая сила может вселиться в человека (и не только в него), став причиной беснования, душевной болезни. Бес-демон-гений всегда является в маске, никогда не показывается в своем настоящем виде за отсутствием оного.

Следовательно, город — это не совсем то, как он выглядит или выглядел. Гений места вполне может быть именно злым демоном, проклятием, висящим над местом. Гений места не есть гений человека или гений коллектива. Но разве город — это не люди, не сословия и группы жителей? Конечно, именно так, и один город отличается от другого людьми и их организацией, составом населения, социальной структурой, наконец, количеством и особенным характером выдающихся граждан. Их политическими и духовными идеалами, языком их культуры. Если отнести к этим понятиям просвещенной современности совсем серьезно, то на месте, где был Кенигсберг, конечно, нечего искать тому, кто им интересуется. Жители, язык, культура исчезли. Есть кое-какие камни, они говорят о людях, но слишком общо, глухо, да и сохранились они фрагментарно, так что легко могут обманывать. Кроме того, эти камни давно мирно уживаются с другими людьми, и кажется, что они забыли прежних хозяев.

Да, на местности сохранился план города, живы каналы и ручьи, течет река, море и большие дороги никуда не делись. Принято говорить, что они рассказывают историю, историю людей, но это лишь метафора. На самом деле для того, кто не читал исторических книг, несведущ в именах и названиях, ландшафт — немая картина, которая если и говорит, то нечто невнятное или примитивное, сегодняшнее. Лучше уж засесть в библиотеку, обложить картами и справочниками, чем бродить по Калининграду. Так и поступает настоящий историк. Ну а если он выходит на местность, то не может не замечать примет современности и лишь потом видит знаки, следы прошлого. В Калининграде нужно научиться видеть сквозь наслежия, осознавая ценность слоев.

Рассуждать о гении места Калининграда — значит немедленно попасть в колею особых вопросов. Например, таких: неизменен ли гений места? Внеличен, но духовен — как умудряется он существовать, этот гений?

Пожалуй, именно так — неизменен и внеличен — это-то и позволяет нам вступать с ним в личную связь, так как иначе нам необходимо было бы знать людей, что невозможно: они все умерли, а их дух, хотя и отразился в трудах, идеях, настолько разнообразен, индивидуален, текуч, что позволяет самые разные интерпретации.

Город как полис, общество — это совокупность многих личных гениев, и общего знаменателя у них нет. Его можно придумать, вспомнив одних и забыв о других. Поэтому нет гения у города как социально-исторического явления и тем более нет гения у того социального явления, которое ушло в небытие подобно Кенигсбергу XVII–XX веков. Могут быть только различные конструкции, лозунги для будущего восстановления города в том или ином духе.

Гений места, как и само место, по-древнепрусски — Твертикос (по Я. Ласицкому, польскому автору XVI века), существовали еще до города, сохраняются и после него. Отмеченное природой и предысторией место не пусто, в нем возможно не все что угодно. Так, сегодня Кенигсберг — предыстория Калининграда, и поэтому здесь не все возможно, а нечто скорее всего неизбежно. Это не совсем мистика. Речь идет не столько о звездах и месте в мире, сколько о том, что история места, которую никогда нельзя стерилизовать (вычистить от прошлого) полностью, обладает непрерывностью. Людей можно изгнать, а место нельзя. Просто снести дома, вырубить сады, разровнять кладбища, можно и память засыпать, но нельзя изменить место среди мест в мире, как нельзя никакому месту раз и навсегда определить сущность и содержание. Место не искоренить. История имеет место. Пока места таинственно молчат, возможна история. *Genius loci* говорит: на этом приключение не заканчивается, спектакль продолжается, не все умерло. В старом парке в Кальтхофе (на улице Гагарина) лежит валун с надписью: *non omnes moriar* — не все умрет. И он абсолютно прав. С точки зрения, которая здесь предлагается, хотя бы как возможность поразмышлять, город — это не люди, а география и ландшафт, дома, план, мостовые, вообще гораздо больше вещи, чем тексты. Да, они молчат, но зато они выглядят красноречиво. Люди, идеи, мнения, интересы переменчивы, забывчивы, они всюду люди — разнообразные и одинаковые. Нет сомнения, города строятся людьми, но не только ими: над ними работают и большие силы природы, политики, истории, ход которой не совсем или совсем не во власти людей. Исходя из этого, гений места, где лежит Калининград, не может быть представлен ни в образе немца, захватчика, купца или ученого, ни в виде бог знает из какой такой земли взявшегося прусса, ни в образе геройского или трухлявого русского человека наших дней. Город Канта? — по правде говоря, и да, и нет. Город сумасбода Гофмана? — лишь отчасти. Город высокомерного прусского полковника №? — во многом, но тоже лишь частично.

Иногда мне чудится, что гений этого места — спокойный, немного даже сонливый. Все здесь словно говорит: оставь меня в покое, дай мне пребывать таким, каков я есть. Это гений удивительных будней, легкого воздуха, тихого дождя. В другой раз гений является мне нервозным, как возбужденный, непредсказуемый человек вроде знаменитого драматического писателя-романтика Захариаса Вернера, всклокоченного, нечистого. Камни говорят, что местный гений суров,ластен и сух, но опыт общения места со временем чаще подсказывает, что его гений нежный, воздушный, юный. Данное место никогда не кажется старым, древним. У него нет бороды. Его никогда не ощущаешь как что-то сложившееся, геологически твердое; это не кристалл — просвет в затаенное.

Посмотрим на город издалека, сверху. Калининград-Кенигсберг является частью Восточной Европы, так называемой Восточной Пруссии, выходит на балтийский берег. Город был основан в 1255 году на границе Замландского полуострова и земли Натанген. На современной карте Европы Калининград — в самом центре, если летиши от Урала на Пиренеи или от норвежских фьордов на Балканы. Однако, в сущности, эта местность экстерриториальна: в культурно-историческом и экономическом смысле это была далекая окраина Европы, не север Европы, но и не ее настоящий восток. В прошлом для Германии Кенигсберг был далекой провинцией, а сегодня для России — это территория, вынесенная на запад, то ли форпост, то ли оторвавшаяся от материка дрейфующая льдина, а то и спасательная шлюпка, в которую торопятся вскочить терпящие кораблекрушение.

Средний масштаб места для города Калининграда — пространство между древнепрусскими землями Замланд и Натангия, между устьем Прегеля и его удлиненной дельтой: низменная, кое-где затянутая песком местность. Центр Калининграда-Кенигсберга — остров Кнайпхоф и Королевская гора. Но сегодня, как, впрочем, было уже и в начале XX века, у города два центра: один чисто символический, пустой, второй — жизненный — это площадь Победы и старый Хуфен (проспект Мира). Сегодня, как и в прошлом, город состоит из множества различных мест, у него много частей, оторванных и плохо связанных друг с другом.

До войны, как и сейчас, было два города. Один представлен на известных фотографиях исторического центра, они теперь продаются в каждом газетном киоске. Это был очень тесный, пестрый и некрасивый город на берегах узкого Прегеля; собор едва виден из-за нагромождения неказистых домов, стены которых чуть ли не уходят в воду; по реке идут груженые баржи, все заставлено судами, мосты растопырили свои железные крылья. И не Венеция, и не Амстердам, и не Петербург, а какое-то столпотворение у сонно движущихся маслянистых вод. Над этим городом возвышался замок. Его главная башня была построена в XIX веке: сухой силуэт, строгие вертикали, никакой выразительности — только рациональный символ Средневековья. Сам замок вполне уродлив со своими пузатыми башнями, пристройками, грубыми контрфорсами.

Но был и другой город. Он начинался за городскими воротами и в XX веке быстро превратился в город-сад, украсился строгими зданиями современной архитектуры. Это был город для жизни, для велосипедных и пеших прогулок, он оглашался звуками природы, которые лишь подчеркивали массовое распространение спорта и техники. Эти два города спорили друг с другом, как вкус с безвкусицей, как новое и старое, как культивированная индивидуальность и уличная толпа (рынки, площади, лавки).

Ценность, красота пустоты в центре плохо осознается в сегодняшнем городе и будет вскоре уничтожена как символически вредная. Город не должен отсутствовать, не имеет права тревожить. Эта тревога, точнее, сочетание уюта и тревоги, разрыва и перехода присуще всей территории, где по кругу старой военной кольцевой дороги располагаются многочисленные бывшие селения — районы, вошедшие в состав города еще в XIX—XX веках, но и поныне сохраняющие свой колорит. Одно дело — жить на Павлика Морозова, за вокзалом в Понарте, другое — на Орудийной, в Ротенштейне. Всякий город определяется не только через центр, но и через окраины, предместья. Форштадт — сущностное для Кенигсберга понятие, так как здесь всегда переживалось неохотное единство сельского и городского начал.

Конечно, главная особенность ландшафта Калининграда — это река, втекающая в город с юга двумя рукавами из бескрайних зарослей тростника и болотной травы и вытекающая на север в сторону низменных берегов залива и морского канала. Город долго не имел никаких стен и укреплений, зато было много каналов. А вот моря в Кенигсберге все-таки нет, его не видно. Балтика ощущима здесь даже меньше, чем в Петербурге, так как Прегель не похож на морскую реку-пролив и вплоть до устья сохраняет сельский характер. И старый Кенигсберг в своей архитектуре и изобразительном искусстве почти не имел морских мотивов.

После постройки в 1972 году Эстакадного моста картина изменилась: появился балкон моста, с которого за пустым центром отсутствующего города открывается вид в сторону порта и его

кранов. С этого балкона мы видим не город, но парк с пересекающимися под углом дорожками (откуда только взялся этот мотив прусских ромбов!) и синюю или желто-коричневую реку. Они также видны сверху из окружающих домов, из окон гостиницы «Калининград». Из середины открываются далекие перспективы почти до горизонта. В хорошую погоду это создает легкое настроение, пробуждает желание вылететь из города в поля, на взморье. Однако настоящего томления по дальним странам, однозначной ориентировки по течению реки на запад (как в Петербурге) здесь нет.

В центре Кенигсберга река делает петлю, возникает некое круговращение. Две реки втекают в город, вытекает одна, но не становится от этого шире, а за железнодорожным мостом (у бывшей станции Голлендербаум) и вовсе сужается, делает поворот и как бы исчезает. Отсюда город возвращается к себе назад. Река течет сонливо, под действием западных ветров вспухает и идет вспять. Прямоугольный остров пассивно лежит в воде. На него нагружены земля, дома, люди. Старый университет почти плыл по воде, стоя на древних сваях. Кенигсберг — это тихая заводь, «тыквенная беседка» поэтов XVIII века, уютных Симона Даха и Робертина.

Ни основного силуэта, ни главного вида у Калининграда нет. Его план важнее его профиля. Так было не всегда, но тенденция к этому имелась и до войны. Кенигсберг распластан по поверхности земли, он едва возвышался над ней, затененный купами деревьев. Скоро это наверняка исчезнет. Современность любит пентхаусы и дозированную вечнозеленую растительность в кадках. Исчезнут заросли и пустоши. До войны был каменный мешок в центре и город-сад на окраине. Сегодня все еще везде много старых деревьев, поражает бурелом парков и кладбищ.

Калининграду свойственна запутанность планировки, извилистость улиц и ручьев. Это пересеченная, охотничья местность, лежбище кабанов. Сложный план внезапно пересекают улицы-просеки. От площадей во все стороны разбегаются переулки. Площади-скверы — неправильной формы или многогранные. Часто, даже если неплохо знаешь город, путаешься, как дойти кратчайшим путем. Улицы-просеки увлекают за собой, и делаешь крюк. В Калининграде важна роль отдельного дома, особняка. Перед глазами вырастает призматический объем с высокой крышей, изолированное здание. В то же время в некоторых районах преобладает линейная застройка, длиннейшие трех- и четырехэтажные фасады обрамляют замкнутые внутренние дворы-острова. Когда-то они были цветущими садами. Земля в этом городе играет особую роль. Здания всегда растут из земли, они не отрываются, не парят. Часто вечером откуда-то из-за внезапно вырастающих домов разгорается темно-фиолетовый закат. Горизонта не видно. Линии крыш лежат тяжелой горизонталью. Деревья шумят-трещат. Кенигсберг тогда дает знать о себе.

Подземная жизнь ощущима здесь повсюду. Я не о подземном городе. Его, конечно, нет, но есть тоннели (поезд, идущий под главной площадью, почти метро), многочисленны и таинственные водопроводы, есть настоящий небольшой акведук. Бункеры, люки, ушедшие в землю дома с их заваленными мусором подвалами, улицы и трамвайные пути, камни мостовых, торчащие из-под асфальта. Под новыми домами — старые. Везде археология, наука, которая была в Кенигсберге на высоте, развивается и сейчас. Небо, дождь, ветер, снег, туман. Без них Калининград — не Калининград. Небо и погода здесь в постоянном движении. Кант всю жизнь следил за погодой. Жаль, что там, где Бессель воздвиг свою обсерваторию, лежит только куча мусора.

Калининград — город картинных закатов, и это город Заката, о котором не забыть. Две страны уже закатились — Пруссия вместе с рейхом и Советский Союз. Но и нежные, хрустально чистые зорьки здесь пронзительны. Город игры света в тенистых улицах, драматического вечернего и ночного спектакля, света многообразного, постоянно меняющегося. Это город огромной желтой луны и ярких осенних звезд. Живописец скорее должен был бы написать Калининград в контрастном стиле, с резкими тенями и черными акцентами, с пылающим красным, с синевой воды и яркими или бурными, но не бледными цветами зданий.

Два центра, два собора, два имени, два «К» (Кант и Калинин, Кант и Кох, Клейст-писатель и Клейст-генерал), два вокзала, два озера, две башни (башня Дона и башня Врангеля), две реки, два смысла. Уж два-то смысла точно: плохой и хороший, агрессивный и либеральный, прошлый и будущий — два лика, обращенные к западу и к востоку. Обоюдоострый топор. Двоица для Кенигсберга — прототип. Это не город компромиссов, снятия противоречия в синтезе, не место для мирных переговоров. Здесь Кант думал об антиномиях, здесь ему противостоит Гердер (или Гаманн), здесь демократ Якоби спорит с либеральным монархистом Симсоном, здесь евангелический авторитет Осиандера ниспровергал евангелический авторитет Мерлина. Вечные пары, вечные споры. Двоица была характерна уже для балтийской и прусской мифологии: сдвоенные конские головы, двойные колосья. По-видимому, это было связано с большой ролью мифа о близнецах у народов этой группы. Парность была свойственна и прусскому пантеону богов: один старый, другой юный, бог реки Потримпс и бог моря Аутримпс, боги Пеколс и Поколс. Все в Кенигсберге имеет две стороны, как королева Луиза, — с одной стороны, идеализированная сентиментальная икона, кукольный театр (в бывшей кирхе ее имени), с другой — истинная умная историческая героиня; как поражение и победа под Танненбергом; как соотношение советского и прусского — от очевидного взаимоотрицания до затаенной переклички суровых стилей.

Само собой, у Кенигсберга были и изначальные христианские покровители. Собор на Кнейпхофе был посвящен Деве Марии и святому Адальберту, крестителю пруссов. В католическую эпоху небесными покровителями города были Дева Мария и Иоанн Креститель (тесно связанные с символикой Немецкого ордена), святая Варвара, святой Адальберт, святая Елизавета, святой Николай и, конечно, святой Дух. Пожалуй, этот набор святых не оригинален. После реформации святые были забыты, и в XIX—XX веках уже только историки могли сказать, кому изначально были посвящены храмы. Из города исчезли ангелы, но исчезли и демоны местности, прусские боги. Покровителями стали исторические личности. Кенигсберг — город великих людей. Они теснили гения места, вступали с ним в борьбу, но и прислушивались к нему. Главные люди этого города? Ну уж точно не художники и не ремесленники, не мастера и не рабочие даже. Ремесло и искусство, производство вообще здесь всегда отставали, были второсортны, провинциальны. Потому и архитектура здесь была в древности упрощенная, и красивая утварь, как правило, привозная. Сравните хотя бы с Данцигом — городом мастеров, верфей, ювелиров.

Купцы? Да, несомненно, купцы. Только могли ли они тягаться с бременскими, любекскими, гамбургскими, даже рижскими? Нет, не могли. Не к ним был обращен гений места. Тогда, может быть, военные? Город основали рыцари. Но в XVI веке от их пыла ничего не осталось. В дальнейшем Кенигсберг был постоянным местом приложения светского военного гения Германии,

то есть Пруссии, так как ни саксонского, ни баварского, ни швабского военных гениев не было. Однако гений этот досадно несчастливый. Его земное воплощение — Старый Фриц, «повергнутый в ничтожество»¹. Кенигсберг (и Калининград) — военный город, форпост. Шарнхорст и Гнейзенау, Врангель и Гинденбург, Бек и Рихтхофен, адмирал Редер и Черняховский и наши — от Сталина до Андропова — все это извечная кенигсбергская / калининградская двоица. И тем не менее Кенигсберг не только и не столько военный город.

Ученые, люди умственные, не политики, но политические мыслители, аналитики, учителя. Они главные, хотя на первый взгляд их оттесняют журналисты, писатели, деятели. Последние прекрасно воплощают мотив фронды (по отношению к ордену, к короне, к Берлину или к Москве), которая наблюдалась в Кенигсберге с незапамятных времен. Однако, несмотря на яркость этих проявлений свободомыслия и вообще либерального воодушевления (Браун, Якоби, Ломайер, Герделер), не они, по-моему, определяют профиль, духовный чекан Кенигсберга. Главные здесь ученые, задающие вопросы и не боящиеся полученных ответов, главное — идея фундаментального вопрошания: Кант, Гербарт, Фихте, математики, историки, филологи, и биолог Лоренц, и социолог и философ Арендт, и те писатели-художники, которых, как Клейста, по какой-то неведомой причине, по контрасту ли с растительной жизнью бюрократии и бургерства или в согласии с гением места, именно здесь посещали потрясающие озарения (трагедия «Пентесилея»), пролившие свет на человеческую участь в мире.

Вернусь к художникам. Они ведь как никто должны бы слышать голос гения места. Перечислю сначала самые главные, символические имена. Не музыка, но Слово и Театр. Не живопись, но Графика. Не скульптура, но светотень и метнувшийся Свет. Они могут быть затаенно тихие: как Дах, как Вихерт и Фанни Левальд. Могут быть могучие, страстные: это Вильманн, живописец (уроженец Пиллау), — пусть он творил в Силезии (XVII век); это гениальный Вегенер, актер; экспансивный Коринт, художник и график, и величественный поэт Мигель, и одержимый писатель Борхарт, и Кете Кольвиц. Если это мыслители, как Гердер и Гаманн, то они и по стилю, и по мысли избыточны, превращаются в явления почти природные. Этой природы было мало в Томасе Манне, может быть, ради нее он ехал именно сюда. И все-таки мне не кажется, что здешний гений обращен к художнику. Художник здесь является на свет или проходит строгий искусств, как Гофман, и отправляется в большой мир. Художники приходят сюда, как гости, подобно экспрессионистам, тому же Манну или Борхарту (из Италии, всего на три дня), искусству Воррингера, чтобы нечто пережить и унести весть об услышанном с собой. Гений этого места говорит каждому свое, на то он и гений, но, кажется, он говорит о чем-то очень серьезном, что можно поведать на краю, в момент исчезновения. Об утраченном... Крушение ордена — мне всегда обидно за орден. 1806 год — все мое сочувствие на стороне робкого короля Фридрих Вильгельма III. 1871 год — духовный и политический конец независимого от империалистической Германии прусского проек-

¹ Самое крупное поражение Фридриха II потерпел от соединенной русско-австрийской армии генерал-аншефа П. С. Салтыкова при Кунерсдорфе I (12 августа 1759 года). О разгромленном прусском короле А. В. Суворов писал как о «поворгнутом в ничтожество Фридрихе». Гусарский конвой чудом уберег его от плена. Потерянная Фридрихом II при бегстве шляпа до сих пор хранится в Эрмитаже.

та. 1933-й — исчезновение интеллигентного Кенигсберга. 1945-й — катастрофа Германии, начало конца европейской культуры. Наше время — конец Калининграда, мутация, уход в себя, выход из себя, превращение лица в проблему идентичности и последней — в предмет исследования.

Что значит для меня, историка, слово «Кенигсберг» сегодня? Крушение, поражение, жертва. Посмертное и виртуальное бытие. Исчезновение Европы в высшем напряжении европейской мысли. Новоевропейский вопрос о метафизике, о Боге, не просто Просвещение. Это слово значит также сомнительность симметрии во взаимопонимании Востока и Запада. Как Танненберг (Грюнвальд) имеет два значения — победа и поражение, реакция и ложный прогресс, так и Кенигсберг означает и победу, и поражение европейской идеи, а не только похороны Просвещения. Закат Европы наблюдайте в Калининграде. Его зрелище говорит о памяти и борьбе с памятью, а значит — о бессмысленности завоевания и неизбежности поражения. Кенигсберг значит Пруссия, которой больше нет. Кенигсберг значит Германия, которая виртуальна. Кенигсберг значит разверзающаяся истина — главное слово в этом городе, не термин из уст специалистов по гносеологии, но вопрос, раздающийся над его равнинами. Кенигсберг значит противоречия: между Торговлей и Университетом, между Природой и Свободой и самое важное — между Свободой и Свободой.

Изначально Кенигсберг — это глобальный властный проект с духовным наполнением, затем с административной схемой в качестве сердца, со всеми прелестями бытовой цивилизации и борьбой за права частных лиц. Да, Кенигсберг был местом инновационных процессов, трансформации, переваривания, конвергенции, но в конечном счете это арена проигрыша. Кенигсберг изменял рейху, не Третьему. Калининград изменяет Москве. Кенигсберг — символика, перерастающая в миф. Державность, честь, политическое и военное искусство, гражданственность, долг, верность. Но он также означает измену (герцога Альбрехта) ради самоутверждения; стало быть, он есть скрытое коварство как способ выживания. В чем же ему суждено проявиться ныне? В том ли, что Калининград будет сдан, в том ли, что Кенигсберг вернется, в том ли, что никто ничего не выиграет — ни Азия, ни Европа, потому что победителя зовут иначе?

Кенигсберг сложил оружие перед Востоком. Он не оправдал своего предназначения, потерпел поражение. Как и Германия вообще, он — слабый колонизатор, слишком нетерпеливый. Кенигсберг — это воплощение открыто сформулированного принципа, завоевательного и цивилизаторского. Этот принцип первоначально был основан не на идее нормального человеческого общежития, но на экстраординарности высшего служения и подвига. Эта прямота становится причиной краха не столько потому, что внезапенна, но потому, что подвержена инволюции, то есть утрате ноумenalного смысла.

Недаром Ницше не любил «китайца из Кенигсберга» (ясно, что Канта), воюя с ним на каждой странице; вообще не любил немецкий север и Балтику, все это тяжелое протестантское бюргерство с его трусливой этикой. Его влекла музыка Юга. Истинная воля к власти. В одном месте Ницше издевательски, цинично писал: «Кант, например, говорит: „Две вещи вечно останутся достойными почитания“ (звездное небо и нравственный закон) — мы в настоящее время, пожалуй, сказали бы: „Пищеварение почтеннее“». Ницше и Кенигсберг несовместимы, значит ли это, что Кенигсберг и современный мир — враги? Ведь Ницше — крестный отец современности и постсовременности.

С другой стороны, Кенигсберг действительно имел мягкую, бюргерскую сердцевину. Отсюда постоянные колебания между жесткостью и мягкостью, между человечностью как привычкой и человечностью как долгом, который навязывается и другим. Впрочем, мы помним пословицу: мягко стелет, да жестко спать. Кенигсберг — это город невозможных, но необходимых вещей, никогда нигде не встречавшихся в действительности: это кантовские «вечный мир» и «права человека», а также «категорический императив», это «демократия по-немецки», идеал Иоганна Якоби, и изобретенный Ханной Арендт «чистый тоталитаризм», и практиковавшаяся в Калининграде дырявая советская социалистическая демократия, и, наконец, это нынешняя мечта построить настоящий русско-европейский город. Все невозможные вещи сливаются в одно главное Кенигсбергское понятие — «вещь в себе», объективное и трансцендентное бытие, в которое полагается верить, несмотря на его непознаваемость. Да и сам город, в котором это понятие родилось и стало тяжелым бременем для его величайшего мыслителя, начинает походить на свое порождение: ускользает от определений, исчезает совсем как данное нам в опыте нечто, но продолжает существовать как вещь в себе, на которую направлены свободные усилия свободного разума. Так, Кенигсбергу суждено быть вечным проектом, вечным начинанием (в этом сущность свободы), вечным столкновением разных проектов и в то же время оставлять нас в недоумении относительно своего изначального замысла. Это как с самим Кантом: попытка всерьез понять его, похоже, обречена на провал, а художественные интерпретации выглядят отсебятиной². Го-

² Автор подразумевает в том числе и собственную художественную акцию «Вещь в себе, или Кант для всех» (*Navicula Artis*, 1996): «Меня всегда интересовал Кант, еще до увлечения Калининградом. Постичь нечто очень трудное — без этого мальчишеского желания не появился бы на свет ни один читатель Канта. Мы проходили, критиковали его и в рамках марксизма. Уже в зрелом возрасте я открыл для себя Канта как автора афоризмов, мудреца. Я всегда реагировал несколько болезненно на популярность Канта в Калининграде. А знают ли, что он, собственно говоря, писал и думал? С Г. Ершовым мы придумали игру, а наши друзья А. Клюканов и Ф. Федчин приняли в ней участие. Отправная идея — рост и цвет костюма Канта. Коричневый (сюртук), черный (бант) и белый (манжеты) и, кажется, 156 сантиметров от земли. Покупаем прямоугольные рейки по 156 см, аккуратно окрашиваем их в коричневый цвет, к каждой крестообразно прибиваем небольшую белую дощечку и под ней повязываем бант из шелковой черной ленты (креп). На дощечке делаем надпись: какая-нибудь цитата. Получается сам Кант, говорящий и траурный, — к нему можно подойти. ... Остров — это ведь не только парк, но кладбище домов, кладбище целого города. Никогда я не мог сочувствовать этим британским летчикам 1944 года, даже если возмездие, которое они несли, было Возмездием самой судьбы. Все вместе, и те, и наши, расколошматили и домик Канта, и его университет, чтобы знал, что „мир материален“ (как было написано после войны над его гробом). ... Мы решили превратить остров в кладбище с просветительским содержанием. Ходишь по парку скульптур и читаешь короткие отрывочки из Канта: что он сказал о Чайковском или о Гагарине, о труде, о деревьях, о мостах и воде. О своей собственной гробнице. Быть может, проходя в университет мимо собора, он подумал сурово: „Страшен Бог без морали“. Я выбрал это изречение для центральной дорожки парка. В то время церковность, и официальная, и модная, набирала обороты, строился храм Христа Спасителя в Москве, Ельцин и прочие в телевизоре лобызались с патриархом, о морали не приходилось и думать, все стали прагматиками и релятивистами. Вот мы и воткнули палку с этими словами перед Кафедральным собором». См.: Чечот И. Д. Собор и Кант для всех, или страшен ли Бог без морали // Арт-Гид. Кенигсберг/Калининград сегодня. 2005. — Примеч. ред.

род абстракций стал еще абстрактнее после 1945 года. Сейчас в центре его — пустота, по краям его кварталы переходят в пустоши и оазисы новой жизни (все эти культурные и торговые центры и особняки с человеческим лицом). Вроде бы из него можно сделать все, что хочешь. Однако история показывает, что это не так: мирный счастливый город-сад 1920—1930-х превратился в место заботы людей, культуры, наследия; из руин не вырос ни настоящий социалистический город, ни новый оплот государственности, — остался долгострой, и сквозь его плиты пробивается новая поросль, которая может стать и правдой, и коварной иллюзией.

Кенигсберг — образ одного из самых резких в Германии столкновений немецкого убожества (политического, эстетического, бытового) и взлетов высшего немецкого благородства. Таким еще не стал Калининград. Ему еще ничто по-настоящему не угрожало. В этой своей противоречивости Кенигсберг может быть нам примером. Здесь мещанство и плохой вкус всегда были особенно тягостны. Но именно здесь пробились самые смелые ростки мысли — философской классики и поэтического искусства (Клейст и Гофман). Сюда, к Канту, устремляя свое воображение Шиллер-мыслитель; здесь Вагнер услышал раскаты увертюры к «Летучему голландцу»; здесь в кругу пролетариев Кольвиц завершала немецкий XIX век графикой глубочайшей скорби и человечности. Мещанство было пестрым, одевалось и в новое, и в старое, могло быть и аристократическим, и прогрессивным, но оно, как всегда, воплощало подражательное, примитивное представление о назначении человеческой жизни. Ему противостояли строгие максимы: Верность, Правда, Ответственность, Долг. Это знаменитые прусские добродетели. Нет ничего более непохожего на них, чем наши русские таланты. Эти добродетели могут воплощаться в людях разной национальности. Их корни христианские, но в их металлическом звучании слышится еще что-то: это особая гордость, упрямство не идти путем спасения, готовность к крушению ради присяги. Эти добродетели нашли в Кенигсберге свое символическое место. Не город, место было источником священного авторитета для прусской короны, для реакционных романтиков XIX и XX веков, националистов, фанатиков сопротивления прогрессу. Это место — своеобразный капкан. Попав в него, вынужден либо уходить в индивидуальное, частное, либо рваться из него прямо вверх, либо, наконец, прощаться со всем родным, но невозможным — навсегда. Тогда вместо Кенигсберга раскинется милый прибалтийский город, вместо Пруссии — Восточная Европа как преддверие большого и мирного мира и вместо подвига — просто жизнь. Но ведь эта «просто жизнь» и есть одна из самых невозможных вещей.

Что значит для меня Калининград в жизни, что говорит мне гений места? На улице Айвазовского живет Виктор — ювелир и спортсмен — сердце, серебро, янтарь. У него в доме маленький спортзал, а в саду банька. Перед ней длинный стол, как для покойника в морге. Вот оно — звездное небо над головой: пар валит во все стороны, прекрасна весенняя ночь. У оконца — инструмент мастера, тиски и горелка. Так я впервые расплавил серебро, в Калининграде, с помощью гения места, который отсюда опять позвал меня ощутить себя — то ли в целом мире, то ли на стыке разных миров.